

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Мое самое большое желание — нравиться толпе.
Она одна живет и заставляет жить других.
И.-В. Гете. «Фауст»

ГЛАВА I

Ночной инцидент

Два часа ночи. На улице в квартале Терне тихо и пустынно. Из-за угла в полосу света выплыла фигура джентльмена в цилиндре, белом кашне, черном макфарлане и лакированных ботинках; руки в перчатках, конец трости занесен над плечом. Аристократ зашагал решительно и бодро, похоже, к себе домой. Тень за фонарем не пугала его — он ступил в нее довольно уверенно. Он курил: красной точкой мелькала его сигарета, но лицо трудно было разглядеть.

— Позвольте прикурить! — прозвучало в темноте.

Аристократ остановился и замер.

— Отчаливай, — миролюбиво отрезал он.

Прохожий пошел в атаку и угрожающе крикнул:

— Эй, выворачивай карманы, приятель, если хочешь остаться цел.

За неимением револьвера джентльмен направил в глаза воришке яркий луч карманного фонарика. Неизвестный вскрикнул от неожиданности, а аристократ, успев отпрыгнуть назад, чтобы не дать противнику выбить фонарик из своих рук, быстро скомандовал:

— Прекрати! Спрячь нож! — Он приблизил фонарик к своему лицу, и нападавший отпрянул. — Что, узнаешь? Гляди лучше. Я тебе никого не напоминаю?

Тот, не издав ни звука, бросился наутек. Он мчался с дикой скоростью, едва касаясь земли парусиновыми башмаками. Аристократ погнался за ним, крича ему вслед:

— Пстой! Я никому не скажу! Клянусь! Остановись, черт тебя возьми! Давай поговорим.

Но воришка бежал во всю прыть, движимый единственным желанием, чтобы его не догнали. Ему это удалось. Джентльмен вскоре отказался от погони.

— Вот дурак, — прошептал он, вытирая пот с лица. — Ничего, я разыщу тебя. Никуда ты от меня не денешься, голубчик. Не имей привычки лезть в чужие дела. Я преподам тебе такой урок, что на всю жизнь запомнишь. — Он повернулся и пошел в другую сторону, чему-то улыбаясь и бормоча: — Кто бы мог предположить такую встречу? Очутиться лицом к лицу с... Нет, этому надо положить конец. Скажут, пожалуй, что я слишком впечатлителен, но мне этот номер показался эффектным. Да-да, есть повод для размышлений, и с завтрашнего дня...

Джентльмен ускорил шаг — было уже очень поздно, — и его голос вскоре потонул в ночной тишине.

ГЛАВА II

Потрясающая новость

Графиня де Праз сидела у письменного стола и просматривала газеты, когда раздался звонок. Именно с этого момента начинается наша повесть.

— Тетя, — прозвучал в трубке бодрый молодой голос.

— Да, детка. Что ты так рано? Еще восемь утра.

— Ой, у меня потрясающая новость! Мне не терпится с вами поделиться.

Девушка говорила с таким воодушевлением, что графиня и без телефонного аппарата слышала звонкий голос, доносящийся из комнаты наверху.

— Новость? — насторожилась мадам де Праз. — Мне подняться к тебе?

— Нет, что вы! Я сама к вам спущусь.

Графиня повесила трубку и словно бы опечалилась. Это была невысокая худая женщина с блеклым лицом, на которое Создатель, видимо, пожалел красок. Ее прежде эффектные белокурые волосы потускнели и заметно поседели; она носила старомодную гладкую прическу с гребнем, которая очень старила ее, хотя графине не исполнилось и пятидесяти. Овал лица ее утратил прежнюю четкость, под глазами залегли темные круги и морщинки, уголки губ опустились. Выражение лица ее было растерянным, будто она постоянно о чем-то тревожилась, поэтому графиня не любила фотографироваться и выпроводила всех художников, которые предлагали нарисовать ее портрет. Мадам облокотилась о столешницу и задумалась, сжав бледные губы и нахмурившись, так что на ее переносице обозначились некрасивые складки.

За портьерой послышался шорох, дверь распахнулась, и в комнату ворвалось чрезвычайно шумное и бойкое создание в атласных домашних туфельках и похожем на розовое облачко воздушном капоте.

— Здравствуйте, тетя! — налетела девушка на графиню, обняла ее за шею и звучно поцеловала в обе увядшие щеки.

— Что ты делаешь, озорница! Я только что припудрилась, — пожурила ее мадам де Праз.

— У меня такая радость! Вы себе не представляете! — склонила Жильберта Лаваль на плечо тетки свою изящную головку в каштановых кудряшках. — Это, конечно, немного неожиданно, но тем лучше! — завальсировала Жильберта по комнате, кружа в танце свою унылую родственницу.

— Перестань меня тормозить! — высвободилась та. — Что с тобой творится?

— Я счастлива, тетя!

— Ничего удивительного: ты такая молодая и хорошенькая!

— Верно, но я не об этом, — приблизилась к уху графини Жильберта свои пурпурные губки и прокричала: — Я собираюсь замуж! Надеюсь, вы не возражаете?

Тетка внезапно вздрогнула, будто ее ударили по щеке:

— Замуж? За кого?

— За Жана Морейля, — прошептала девушка.

— Кто это? Я его не знаю.

— Знаете, тетя, вы просто забыли. Месье Пойяк представлял вам его, когда мы были на званом вечере. Почему вы побледнели? Вам нездоровится или не нравится мой выбор?

Графиня и вправду изменилась в лице и вцепилась в край стола, словно боясь упасть. Жильберта, сбита с толку, обескураженно посмотрела на тетку, которая с трудом выдавила из себя кислую улыбку:

— Ничего, детка, я немного разволновалась. Я ведь не ожидала такого известия.

— Мне кажется, вы не рады, — вздохнула девушка. — В ваших глазах и голосе ощущается холодок.

Мадам де Праз взяла племянницу за руку.

— Дорогая, я люблю тебя, как мать, и беспокоюсь о тебе. Не слишком ли легкомысленно ты решилась на такой серьезный шаг? Тебе только-только исполнилось восемнадцать, ты совершенно не знаешь жизни. Ты уверена, что будешь счастлива с господином Морейлем?

Жильберта надула губки и сдвинула брови. Заметив это, графиня ласково привлекла ее к себе и погладила по кудрявой головке.

— Ну ладно, — сказала она. — Дай мне время лучше познакомиться с этим молодым человеком, собрать о нем кое-какие сведения, и если он такой, как ты думаешь...

— Он хороший.

— Ступай одеваться, деточка. Мы еще обсудим твои планы. Поцелуй тетю, она тебя в обиду не даст.

Раздосадованная девушка вяло коснулась губами лба графини и покинула комнату — на этот раз не бегом.

Оставшись в одиночестве, графиня де Праз нервно сжала пальцы и принялась вышагивать туда-сюда по комнате, служившей ей чем-то вроде рабочего кабинета, в углу которого стоял внушительных размеров сейф. Оригинальность поме-

щения заключалась в том, что все его стены были увешаны оружием африканских туземцев: кожаными и деревянными щитами, боевыми ассегаями и стрелами разных форм и размеров. Графиня задумчиво оглядела это снаряжение и поморщилась, словно оно вызвало у нее какие-то неприятные воспоминания. Внезапно мадам остановилась у массивного стола в стиле ампир и потянулась к телефонному аппарату, бормоча про себя: «Еще посмотрим!» Она нажала на одну из кнопок и прошептала, прикрывая ладонью отверстие в трубке:

— Алло, Лионель! Алло!

В ответ раздалось нечленораздельное мычание:

— А? Что, мама?

— Ты спишь?

— Вернее, еще не проснулся.

— Поздно вернулся?

— Да уж...

— Я сейчас к тебе приду, есть важный разговор.

Мадам де Праз осторожно отворила дверь, на цыпочках пересекла вестибюль и тихонько поднялась наверх.

В комнате сына царил полнейший беспорядок — сразу было видно, что прошлой ночью Лионель недурно повеселился. Фрак лежал на полу, цилиндр был напялен на часы, помятый белый жилет валялся на стуле рядом с лакированными ботинками.

— Мама, что случилось? Я спать хочу, — промямлил молодой человек, ворочаясь на постели.

— Вот так и проспишь свое счастье, — упрекнула сына графиня, поднимая с пола фрак. — Пора заканчивать ночные кутежи, Лионель. Ты не забыл, сколько тебе лет?

— Двадцать три, — буркнул он, уткнувшись в подушку.

— Ты бездельничаешь, сынок, а в твоём возрасте уже нужно братья за ум, — присела мать на край постели и чмокнула сына в макушку.

— Что с вами, маман? — привстал он на локте. — Наводнение? Ураган? На вас лица нет.

— Лионель, ты помнишь, что я говорила тебе четыре года назад, когда погиб твой дядя?

— Что я должен понравиться Жильберте и со временем жениться на ней.

— Как же ты оцениваешь свои успехи в данном направлении?

— Никак, — опустил глаза Лионель.

— Очень плохо, что ты не слушаешь мать, — сердито произнесла мадам де Праз. — Пока ты прожигаешь жизнь, Жильберта влюбилась в какого-то Жана Морейля и собралась за него замуж.

Лицо Лионеля исказилось выражением неприязни:

— С чего вы взяли?

— Она пять минут назад объявила мне об этом. Что прикажешь? Радоваться?

— Что вы ответили?

— Ничего определенного, но запретить ей выходить замуж я не могу.

— Почему? Скажите, что вы возражаете, проявите свою власть.

— Какую власть? Жильберта — полноправная хозяйка, а я — ее домоправительница. Не забывай, мы живем в ее особняке. Чего я добьюсь, если поссорюсь с ней? Она встанет на букву закона, мигом избавится от меня и потребует отчета о состоянии дел, а оно не в нашу пользу, сынок. Ты помнишь, сколько проиграл в карты? И это еще не все твои долги.

— Ладно, не взвинчивайте себя.

— Я надеялась, — чуть не плача продолжала графиня, — что ты женишься на Жильберте, укрепишь наше положение и вознаградишь меня за мои страдания...

— Мама, не надо нервничать, — прервал ее Лионель. — Подождите лить слезы: не все потеряно. Согласен, я сглупил — надо было давно вскружить девчонке голову. Но ведь еще не поздно, особенно если вы поможете мне убрать Морейля с дороги. Я заглажу свое невнимание к Жильберте. Чертов Морейль! Откуда он свалился на нашу голову, образчик добродетели?

— Ты с ним знаком?

— Поверхностно, но я о нем наслышан. Он серьезный человек, увлечен живописью. Его не встретишь ни в барах, ни на танцполах, ни в казино, в отличие от меня, — усмехнулся Лионель.

— Он богатый?

— Определенно небедный. Особняк на авеню дю Буа, лошади, автомобиль «роллс-ройс». И ни одного порока. Ни дамы сердца, ни содержанки, ни любовницы. Одним словом, он — безупречный.

Мадам де Праз грустно и недоверчиво посмотрела на сына.

— Давай неведем справки, — предложила она. — Разве на свете есть идеальные люди?

— Браво, маман. То, что вы сказали, совсем не глупо. Мы ничего не потеряем, если проделаем такой трюк. Если же потерпим неудачу, то придумаем другую комбинацию. И деньги Лавалей не уйдут из наших рук!

— Только деньги? А твоя кузина? Ведь она красавица!

— Ничего особенного в ней я не нахожу.

— Мне хочется видеть тебя богатым и счастливым, мой мальчик.

— Богатым — значит и есть счастливым. Ладно, с сегодняшнего дня я установлю за Жаном Морейлем бдительное наблюдение. Мы выясним, действительно ли он такая редкостная птица. Меня, признаться, так и распирает любопытство. Кстати, маман, если бы в прошлом году болезнь Жильберты приняла другой оборот, мы теперь не оказались бы в столь критическом положении: наследство перешло бы к вам. Или я ошибаюсь?

— О чем ты? — отшатнулась мать и в испуге воззрилась на сына. — Что за мысли? Как тебе не стыдно!

— Успокойтесь, я не способен тронуть даже муху, — возразил он. — Но если обстоятельства складываются благоприятно, если вмешивается рок, что же — тогда приходится выбирать...

— Значит, ты совсем не любишь кузину?

— Маман, вы сами учили меня, что лгать — плохо, — мотнул он головой.

Мадам де Праз вздохнула и задумалась.

— А ведь она очень привлекательна, и, клянусь тебе, мне бы хотелось сделать ее счастливой.

— Выдайте ее за Жана Морейля.

— Не шути! Ты знаешь, что ты один для меня существуешь, мой мальчик. С тех пор как ты родился, ты у меня один на свете.

— А папа?

— Я не любила его так, как тебя.

— А дядя?

— Я вышла бы за него замуж только для того, чтобы сделать тебя богатым.

— Вы умница, маман! Я немедленно разыщу нашего бывшего лакея Обри и разработаю с ним план наблюдения. Как вы к этому относитесь?

— Неплохо придумано: Обри всегда готов услужить нашей семье.

— Я знаю, что вы устроили его привратником дома номер сорок семь на улице Турнон. Он, кажется, обижен на Жильберту, так?

— Еще бы! Ведь это она настояла на том, чтобы я его уволила.

— Все в нашу пользу, маман.

В эту минуту молодое звонкое меццо-сопрано огласило весь особняк: Жильберта напевала для собственного удовольствия бравурную песенку.

— Она у себя в комнате, — прошептала сыну мадам де Праз. — Я не хочу, чтобы она знала о нашем с тобой разговоре.

Графиня быстро поднялась, черной тенью скользнула вниз по лестнице и заперлась у себя в кабинете. Все еще думая о событиях, грозивших провалить все ее планы, мадам де Праз вынула из-за корсажа маленький ключик, с которым никогда не расставалась, и стала отпирать сейф. Четыре секретных замка щелкнули один за другим. Тяжелая дверца повернулась на петлях, и показались виньетки всевозможных ценных бумаг, заполнявших хранилище сверху донизу.

Элизабет де Праз извлекла несколько пачек, прикосновение к которым, по-видимому, доставляло ей немалое удовольствие, и хотела уже сунуть руку в темную глубину, как вдруг голос наверху оборвался и смолк. Графиня поспешно втолкнула назад цветные пачки, прикрыла их другими, захлопнула стальную дверцу, защелкнула замки и спрятала ключ на груди.

ГЛАВА III

Рассказ господина Фейяра

В семь часов вечера Жан Морейль, предварительно условившись по телефону, позвонил в дверь своего друга Фейяра, самого «светского» нотариуса в Париже. В тот вечер Морейль и Фейяр должны были присутствовать на первом представлении лирической драмы. Они также договорились вместе поужинать, поскольку Морейлю необходима была консультация поверенного. Тот ждал его в полной готовности и при параде. Оба джентльмена нарядились в новые костюмы, так что чиновник выглядел ничуть не беднее денди: черный макфарлан, шелковый цилиндр, белый фуляр и изящная трость, — хотя на самом деле между Фейяром, простым служащим, и Морейлем, аристократом, пролегал бездонная пропасть.

— Ага, явился, красавец!

— Давай без иронии, — шутливо отмахнулся Морейль, но Фейяр не унимался.

— Ладно, не кокетничай, ты не барышня. Выглядишь отлично, прямо как Антиной. Ну-ка, пройдишь туда-сюда, покажи себя. Ох, баловень судьбы! Откуда у тебя такая гибкость, пластика? Прирожденные данные? Повезло тебе, приятель, благодари природу-мать. А зачем пожаловал? По делу, кто бы сомневался. Что на этот раз? Покупка ценных бумаг? Нового дома? Автомобиля? Пойдем, расскажешь по дороге.

— Со мной случилась удивительная история, — начал Жан Морейль.

— Женишься?

— Ты угадал.

— На ком?

— На мадемуазели Лаваль, дочери исследователя Африки. Чему ты улыбаешься?

Когда они уселись в экипаж, Фейяр объяснил:

— Я улыбаюсь по двум причинам, старина. Прежде всего, я очень доволен твоим выбором. Жильберта Лаваль — красивая девушка, о ней говорят много хорошего. Правда, она избалована, что само собой разумеется, но, несмотря на это, по общему мнению, у нее правильный, твердый и прямой характер.

— Я не ожидал, что ты разбираешься в этом вопросе.

— Тебе, как всегда, повезло: я — нотариус семейства Лавалей — Празов. Но существует обратная сторона медали.

— Какая? — насторожился собеседник.

— Мадам де Праз и ее сын.

— А они тут при чем?

— Ты разбиваешь их тайные мечты.

— Приятель, — признался Морейль, — я мало осведомлен о семье Лавалей, так не мог бы ты меня просветить? За чем ходить вокруг да около?

Нотариус недоверчиво посмотрел на клиента. Жан Морейль, опустив глаза, рассеянно играл перчаткой.

— Ты, наверное, решил устроить мне испытание? — воскликнул Фейяр. — С тобой никогда не знаешь, к чему готовиться.

— Уверю тебя, я в полном неведении; поделись, пожалуйста, со мной необходимой информацией.

— Нет, постой, ты точно не шутишь?

— Господи, Фейяр, хватит уже! Какие шутки? Если ты можешь что-нибудь рассказать мне о семьях Лавалей и Празов, я буду тебе бесконечно признателен, — с нажимом повторил Жан Морейль. — Я люблю мадемуазель Лаваль и женюсь на ней, но я совершенно не имею понятия о намерениях мадам

де Праз и ее сына. Я пару раз видел графиню мельком; Лионеля де Празы я иногда встречаю в светском обществе, но мы не общаемся по той простой причине, что он мне не нравится. Уверяю тебя: я пришел к тебе не затем, чтобы собирать сплетни. Посвяти меня только в нюансы брачного контракта.

— Ладно, — кивнул нотариус. — Прости за сомнения, однако мне странно, что ты пускаешься на такое серьезное предприятие вслепую. Задача поверенных не соединять любящие сердца, а сводить семьи, которые уверены, что подходят друг другу. Этим и объясняется мое профессиональное удивление. Кроме того, я никак не привыкну к настроению, которое на тебя временами накатывает...

— Настроение? А что с ним не так?

— Ты вдруг без всяких причин глубоко задумываешься, прячешься в свою скорлупу, как сейчас, и делаешься таким рассеянным, что невольно возникает вопрос: «Осознает ли он, о чем с ним говорят?»

— А, вот ты про что! — хохотнул Морейль. — Так я занят важным делом. У меня из головы не выходит одна задача...

Фейяр внимательно посмотрел на клиента и покачал головой:

— Странный ты человек. Мне, наверное, не хватит жизни, чтобы тебя понять. Ты — поэт, философ, артист, загадочная личность.

— Приступай, — велел Жан Морейль. — Жили-были...

— Жили-были две сестры Осмон. Старшая, Элизабет, вышла замуж за графа де Празы, обедневшего офицера. Младшая, Жанна, стала избранницей выдающегося и довольно богатого джентльмена Гюи Лавалья, исследователя Центральной Африки. Лет через десять после замужества старшей ее супруг, капитан де Праз, принял почетную смерть на поле битвы, как и подобает военному. Его сын Лионель потерял отца. Ты меня слушаешь, Жан?

— Конечно, продолжай.

— Вид у тебя такой, будто ты на Луне. Так вот, мадам де Праз овдовела и влачила жалкое существование на нищенскую пенсию, а ее сестра, красавица мадам Лаваль, имела

многомиллионное состояние, жила в Нёйи-сюр-Сен на одной из лучших вилл и проводила каждое лето в роскошной усадьбе Люверси в долине Шеврёз. Все эти богатства достались ей от отца Лавалья, крупного промышленника, и Жанна с согласия мужа предложила своей сестре поселиться у них вместе с сыном. Вдова, конечно, обрадовалась: куда ей было деваться? Вообще, Лавали слыли удивительно щедрыми и гостеприимными людьми и обожали свою дочь, маленькую милую резвушку. Но Гюи Лаваль следовал призванию, которое оказалось сильнее отцовской привязанности. Его пожирала страсть к путешествиям, к опасным далеким экспедициям. Он проводил в разъездах шесть месяцев в году. Сам понимаешь, что в подобных условиях он с радостью ухватился за мысль, что графиня с сыном устроится у Жанны, то есть той не придется скучать в обществе старшей сестры и племянника. Мало того, это доброе дело принесло материальную выгоду: мадам де Праз была настолько же экономной хозяйкой, насколько мадам Лаваль расточительной, и вскоре старшая сестра начала распорядиться в буфетной, на кухне и в погребе. Вот такие дела, дружище. Тебе это интересно?

— Хватит спрашивать! Разумеется, интересно.

— Тогда приготовься к печальным событиям. Мадам Лаваль скончалась, насколько я помню, лет пять назад. Она умерла в Люверси, когда господин Лаваль находился дома и по его вине. Это настоящая трагедия. Несколькими днями раньше Лаваль вернулся из Африки и в числе множества экзотических редкостей привез с собой змей, которых собирался отдать в зоосад.

— Про это я читал в газетах! — воскликнул Морейль. — Одна из змей убежала, да? И ужалила мадам Лаваль, когда та спала.

— Верно. Гюи Лаваль страшно горевал. Боялись за его рассудок, и, надо сказать, мадам де Праз ухаживала за ним с большим самоотвержением, несмотря на собственное горе, ведь она потеряла родную сестру. Лаваль не находил себе места, считая себя виновником несчастья, мучился и страдал. Как только он немного оправился, то засобирался в новую

экспедицию в Верхний Нигер. Те, кто провожал его, заранее предрекали, что он больше не вернется, но помешать ему никто не решился. Через шесть месяцев он уехал.

— И с концом?

— Да. Перед отъездом из Франции он посетил мою контору и составил завещание, по которому в случае своей смерти отдавал свое дорогое дитя на попечение мадам де Праз, причем в таких выражениях, что не оставалось сомнений: он готовился к смерти. Так и вышло: он погиб в стычке с отрядом дикарей во время разведки, куда, заметь, отправился без всякого конвоя. Его тело было так исколото стрелами, что его с трудом опознали. Это известие повергло его родственников в глубокое отчаяние. Мадам де Праз проливала горькие слезы, и не один год. Говорят, она старалась всеми силами удержать господина Лавалья во Франции, но он не послушался. Дело в том, что со смертью сестры перед ней открывалась возможность стать второй мадам Лаваль. Господина Гюи она не любила, ибо мадам де Праз вообще не создана для любви, но злые языки судачили, что ей не хочется выпустить из рук огромное наследство ученого. Ведь не ей же самой нужны эти миллионы? Она старалась для сына, поскольку эта скромная женщина — страстно любящая мать. Лионелю тогда исполнилось семнадцать или восемнадцать, а Жильберте Лаваль — лет тринадцать. В общем, мадам де Праз стремилась женить сына на своей племяннице. Однако тысячи обстоятельств угрожали помешать осуществлению ее плана, и она пыталась, выйдя замуж за Лавалья, закрепить за собой часть его состояния. Увы, мечта разрушилась вместе со смертью Лавалья, и у графини остался единственный шанс: обвенчать Лионеля с Жильбертой. И вот представь себе: теперь на ее руку претендуешь ты. Сам посуди... Да очнись ты, Морейль, спишь, что ли? Где витают твои мысли?

Молодой человек заморгал, стряхивая с себя оцепенение.

— Я задумался о лампе итальянского мастера, которую видел сегодня на выставке антиквариата, — признался он. — Маленькая бронзовая вещица с золотой подставкой в виде змеи. Мне хочется приобрести эту лампу для своей коллекции.

Фейяр так поразился, что на мгновение онемел. «Что за бесшабашный тип?» — с раздражением подумал он о своем клиенте.

— Ну ты даешь! — воскликнул он. — Стоило мне так распинаться? Половина моих речей пролетела мимо твоих ушей. Ты — беспечный оригинал, вот что я тебе скажу. Гляди, не поплатись за это.

— Я фантазер, — с улыбкой поправил его Морейль.

— Послушай, фантазер, — прикоснулся к его руке нота-риус, — остерегайся графиню. Я тебе плохого не посоветую, и в людях я разбираюсь лучше тебя, уж поверь мне. Нет, мерси, я не курю перед ужином.

Жан Морейль достал сигарету и, выпустив дым колечком, спокойно произнес:

— Давай обсудим брачный контракт.

Экипаж остановился. Молодые люди вошли в ресторан.

ГЛАВА IV

Обри и его хозяйева

Жильберта сообщила тетке, что собирается пригласить Жана Морейля в гости, и мадам де Праз из осторожности смолчала. Во-первых, она уже привыкла ни в чем не отказывать богатой племяннице, а во-вторых, ей очень хотелось хорошенько разглядеть претендента на руку девушки.

Жан Морейль был принят в доме на правах друга. Лионель решил воспользоваться этим, чтобы, насколько ему позволит вежливая холодность жениха кузины, установить с ним более-менее тесное знакомство. После разговора с матерью сын графини старался чаще сталкиваться с Морейлем, где только можно: на поле для гольфа, на теннисном корте, в фехтовальном зале. Но уже через неделю избалованному сибариту надоело занятие, в котором он не усматривал никакой пользы, и он отказался от него, тем более что Обри, бывший ла-